

Поэтический словарь.

Основу поэтического словаря Бродского образуют инвариантные, повторяющиеся образы, устойчивыми реализациями которых могут быть поэтические формулы. Число повторяющихся образов в поэзии Бродского очень велико. Вот перечень некоторых из них^[50].

Средства обозначения, описания лирического «Я», его существования в бытии.^[51]

Телесная сфера: ВОЛОСЫ (коннотации: *выпадение, седина — старение*), БРОВЬ (коннотации: *удивление*), ГОРТАНЬ (коннотации: *дыхание, жизнь, говорение, поэзия, слово*)^[52], ЗРАЧОК, СЕТЧАТКА. Пример **поэтических формул**. *Гортань, благодарящая судьбу: «гортань... того... благодарит судьбу»* («Двадцать сонетов к Марии

Стюарт», 1974 [II; 338]) — благодарность амбивалентна, сорное словечко «того» (восходящее к косноязычной речи Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели») передает затрудненность речи, благодарность выговаривается с усилием и с насилием говорящего над собой; «Но пока мне рот не забили глиной, // из него раздаваться будет лишь благодарность» («Я входил вместо дикого зверя в клетку...», 1980 [III; 7]) — благодарение лишено явной иронии. *Слюна во рту*. Ее коннотации — *жизнь (водная стихия), поэзия, свобода*. «Свобода — / это когда забываешь отчество у тирана, / а слюна во рту слаще халвы Ширази» («Я не то что схожу с ума, но устал за лето...» [II; 416]); «сорвись все звезды с небосклона, / исчезни местность, / все ж не оставлена свобода, / чья дочь — словесность. / Она, пока есть в горле влага, / не без приюта» («Пьяцца Маттеи», 1981 [III; 28]). В несвободном мире «<...> слюну леденит во рту» («Лагуна», [II; 319]). Одновременно, в соответствии с поэтикой самоотрицания и семантической амбивалентности, слюна ассоциируется и со смертью, с ощущением от медной монеты — оболы, вкладываемой в рот умершему как плата Харону, перевозчику в царство мертвых: «и слюна, как полтина, // обжигает язык» («Эклога 4-я (зимняя)» [III; 18]). *Рот — развалины / кариес*: «В полости рта не уступит кариес / Греции Древней, по крайней мере» («1972 год», 1972 [II; 290]); «Мой рот оскален / от радости: ему знакома / судьба развалин» («Пьяцца Маттеи», 1981 [III; 27]). Эта же формула применена и по отношению к героине стихотворения «Э. Ларионова» (цикл «Из школьной антологии», 1969): «Она любила целоваться. Рот / напоминал мне о пещерах Карса» (II; 105) — *Карс* здесь окказиональный синоним, замена фонетически почти тождественного *кариеса*.

Одежда: КАБЛУК^[53], ПАЛЬТО.

Символы лирического героя (человека); образы «Я» в тексте.

Я — МАЯТНИК / ЧАСЫ (вариант: ЧЕЛОВЕК — МАЯТНИК / ЧАСЫ, ВЗГЛЯД — ЦИФЕРБЛАТ). Инвариантное уподобление, присущее поэзии Бродского от 1960-х и до конца 1980-х гг. Коннотации: *ощущение времени человеком, страх времени и смерти, несвобода*. Сложная, «двойная» метафора в стиле барочного концептизма: *человек (Я) — часы — кузнечик*. «Часы стрекочут» («Загадка ангелу», 1962 [I; 208]), «И в потемках стрекочет огромный

нагой кузнечик, / которого не накрыть ладонью» («Восходящее желтое солнце следит косыми...», 1980 [III; 19]). Механизм метафоризации: часы=кузнечик (метафора, восходящая к мандельштамовскому стихотворению «Что поют часы-кузнечик...», в свою очередь варьирующему образ часов — стальной цикады из «Стальной цикады» Иннокентия Анненского) + человек=часы (метафора, соотнесенная с метафорами сердца-часов в «Будильнике» и «Стальной цикаде» Анненского. Основа уподобления — сердце, бьющееся подобно часам и отмеряющее время (образ, перекликающийся с образами из романа Роберта Музиля «Человек без свойств»^[54] и романа М. Пруста «У Германтов»^[55]). Итоговая метафора — человек=кузнечик=часы. Примеры метафоры / сравнения «человек-часы (маятник)»: «Ты маятник <...> от яслей до креста <...> твоя душа прекрасный циферблат» («Зофья», 1962 [I; 182]), «Маятник о двух ногах...» (одноименное стихотворение, 1965 [I; 424]), «как маятником, колотясь / о стенку головой жильца» («Взгляни на деревянный дом», 1991 [III; 223]). Первоисточник этого образа — вероятно, стихотворение Анненского «Тоска маятника», в котором маятник уподоблен сумасшедшему.

Я — МЫШЬ. Коннотации: принадлежность к иному, отличному от человеческого, миру, изгойство, мизерность, незначительность, поэтический дар. **Поэтическая формула**, грызун словаря. «<...> жил, в чужих воспоминаньях греясь, / как мышь в золе, / где хуже мыши / глодал петит родного словаря» («Разговор с небожителем», 1970 [II; 208]); «Я был не лишним ртом, но лишним языком, / подспудным грызуном словарного запаса» («Письмо в оазис», 1991 [IV (2); 110]). Вариация этой поэтической формулы: язык (буква) — крыса. «Язык, что крыса, копошится в соре»^[56] («Двадцать сонетов к Марии Стюарт», 1974 [II; 344]); «хвост дописанной буквы — точно мелькнула крыса» («Римские элегии», 1981 [III; 47]). Литературные истоки: образ мыши в античной мифологии, в поэзии Пушкина и Ходасевича^[57].

Я — ПТИЦА (варианты: Я — ВОРОНА ГРАЧ, ГУСЬ, КОЧЕТ, ЯСТРЕБ). Инвариантное уподобление, присущее поэзии Бродского от 1960-х гг. и до последних лет. Коннотации: свобода, панорамный, отрешенный взгляд на мир, поэзия, жертва (времени, женщины). Одновременно, в соответствии с поэтикой самоотрицания и семантической амбивалентности, ПТИЦА может быть

противопоставлена Я (ЧЕЛОВЕКУ): «Садовник в ватнике, как дрозд...» (1964), «Что ты делаешь, птичка, на черной ветке...» (1993).

Я — ПЧЕЛА (вариант: ОТДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ПЧЕЛА). Инвариантное уподобление, присущее поэзии Бродского 1990-х гг. (В стихотворении «На смерть друга», 1973, вариант «Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке» [II; 332] — адресат здесь подобен Я.) «И если бывает на свете пчела без улья / с лишней пылью на лапках, то это ты» («О если бы птицы пели и облака скучали...» [IV (2); 166]); «Вообще, герой / отступает в трагедии на второй / план. Не пчела, а рой / главное!» («Театральное» [IV (2); 184])^[58]; «Где-то гудит пчела» [в городе-улье] («Август», 1996 [IV (2); 204]). Вариация: «пчел, позабывших расположена ульев / и улетевших к морю покрыться медом» («Римские элегии», 1981 [III; 43])^[59]. Коннотации: *одиночество, поэтический дар, отвергнутый, ненужный поэтический дар*. Литературные истоки: уподобление поэта пчеле — диалог Платона «Ион», ода Горация (IV; 2), Бальмонт («Вязь, 1», «Вязь, 2», «Сохраненный янтарь...»), Вячеслав Иванов, Мандельштам («На каменных отрогах Пиэрии...»^[60]).

Я — РЫБА (варианты: Я — МОЛЛЮСК^[61], РАКОВИНА ЧЕЛОВЕК — МОЛЛЮСК^[62], РЫБА). Инвариантное уподобление, присущее поэзии Бродского от 1960-х гг. и до последних лет. Коннотации общие с коннотативным полем идентификации Я — ПТИЦА. Сходство мотивировано подобием ПТИЦЫ и РЫБЫ в поэтическом мире Бродского: «птицы, слетев со скал, / отражаются в рыбах и, падая вниз, клюют / с криком поверхность рябых зеркал» («Прилив», 1981 [III; 32])^[63]; звезда — одновременно небесное тело и морское животное: «<...> звезда морская в окне лучами / штору шевелит, покуда спишь» («Лагуна», 1973 [II; 318])^[64]; «Только море способно взглянуть в лицо / небу» («Литовский дивертисмент», 1971 [II; 268]).

Самоидентификация Я — РЫБА связана у Бродского с раннехристианской символикой рыбы, обозначавшей Христа, с рыбой как предком человечества; значима также связь концепта рыбы в культуре с оральным началом и с проблемой говорения-немоты: «А тому, кто спрашивал „Что такое философия?“, Диоген вместо ответа указал на рыбы. Действительно, рыба — наиболее оральное из живых

существ; она олицетворяет проблему немоты, съедобности и согласного звука во влажной стихии, — короче, проблему языка» (Ж. Делёз)^[65].

Я — СОБАКА (вариант: Я — БОЛОНКА) — инвариантное уподобление, присущее поэзии Бродского 1980–1990-х гг. «<...> я / благодарен за все: за куриный хрящик» («Римские элегии» [III; 48])^[66]; «как собака, оставшаяся без пастуха, / я опускаюсь на четвереньки / и скребу когтями паркет <...>» («Вертумн» [III; 204]); «Теперь я не становлюсь / больше в гостиничном номере на четвереньки» («Посвящается Джироламо Марчелло», 1991 [III; 252]); «Только вышколенная болонка / твякает непрерывно, чувствуя, что приближается к сахару: что вот-вот получится / одна тысяча девятьсот девяносто пять» («Клоуны разрушают цирк. Слоны убежали в Индию...» [IV (2); 194]). Коннотации: *доверие, преданность (Богу), привязанность (к другу), привыкание к жизни и ее правилам*. Литературные истоки: уподобление «я» или человека собаке — Федор Сологуб, Маяковский^[67]; Стерн («Жизнь и мнения Тристрама Шевди <...>», т. 3, гл. XXXIV).

Образы внешнего мира, бытия.^[68]

ВЕЩЬ. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Конкретная реализация — СТУЛ («Посвящается стулу»). Коннотации: *противоположность человеку, стандартность (безликость), соединение пустоты и материи, неподвижность*. **Повторяющаяся рифма / внутристиховое созвучие** (поэтика игры слов, генетически каламбурная рифма, имеющая серьезный, «философический смысл»): «зловещ/и — вещь/и» («Колыбельная Трескового мыса», 1975 [II; 365]; «Посвящается стулу», 1987 [III; 147])^[69].

ВОДА. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *колыбель жизни, жизнь, будущее состояние земной жизни, время*. Общее семантическое поле с образами ВОЛНЫ, МОРЕ^[70].

ВОЛНЫ. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *жизнь, время, ритм бытия, свобода, источник ритма и рифм поэзии*. Одновременно, в соответствии с поэтикой самоотрицания и семантической амбивалентности, ВОЛНЫ

могут ассоциироваться с несвободой («Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе»).

ДЕРЕВО. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *свобода, жизнь, жизнь, непохожая на человеческую, поэзия.* Особый образный ряд — дерево как знак абсурдности бытия, лирический герой под деревом, исполненный чувства бессмысленности жизни, ненужный рост деревьев («Натюрморт», 1971, «Сидя в тени»^[71], 1983, «В кафе», 1988, «Новая Англия», 1993). **ДЕРЕВО** в этом значении восходит к образу дерева, олицетворяющему абсурд, бессмысленность, «тошноту» существования, в романе Жана-Поля Сартра «Тошнота»^[72]. И в романе Сартра, и в «Натюрморте» Бродского воплощение ужаса и гнетущей бессмысленности существования — *корень дерева.*

Метафорическая функция — обозначение человека. **Поэтические формулы**, соотносящиеся между собой по принципу самоотрицания: *бунт листвы, овация листвы.* «...Бунт голытьбы ивняка...» («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [II; 24]); «Овацию листвы унять там вождь бессилён» («Пятая годовщина (4 июня 1977)», 1977 [II; 421]); «<...> Листва / их научит шуметь / голосом большинства» («Сидя в тени», 1983 [III; 72]); «Ты теперь на все руки мастак — / бунта листьев, падения хунты» («Памяти Геннадия Шмакова», 1989 [III; 180]); «Рояль чернеет в гостиной, прислушиваясь к овации / жестких листьев боярышника» («Посвящается Чехову», 1993 [III; 254]); «...и ропот листвы настойчив, как доводы дурачья» («Из Альберта Эйнштейна», 1994 [IV (2); 172]); «Видимо, шум листвы, суммируя варианты / зависимости от судьбы <...> / пользовался каракулями <...>» («Воспоминание», 1995 [IV (2); 196]). Вариация формулы: «Сухой мандраж / голых прутьев боярышника» («Келломяки», 1982 [III; 59]).

ДОЖДЬ. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *жизнь, поэзия, время, начало, элемент, связующий разрозненные явления мироздания, грусть. Одинокий (умерший) человек.* Общее семантическое поле с образом ИГЛА.

ЗВЕЗДА (ЗВЕЗДЫ). Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *звезда Рождества, счастье, благая весть, хранительница жизни (мира), взгляд Бога, отдаленность, соединительное звено между Ним и Нею, гармония,*

иное измерение бытия, преодоление границы, звезда на погонах, кокарда, крупа, которая не кормит, одиночество, затерянность в мироздании. Метафорическая функция — обозначение лирического героя и слезы.

ЗЕРКАЛО. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *несвобода, тоталитарный мир, преграда, обман.* Метафорическая функция — обозначение водной глади и человека. Одновременно, в соответствии с поэтикой самоотрицания и семантической амбивалентности, ЗЕРКАЛО может ассоциироваться с выходом и красотой (при вхождении в общее ассоциативное поле с образом ВОДА): «Пена бледного шелка захлестывает, легка, / стулья и зеркало — местный стеклянный выход / вещи из тупика» («Венецианские строфы (2)» [III; 54]) — в этих строках «перевернуты» **поэтические формулы** *море — кружевное белье* (см. МОРЕ) и *зеркало — тупик* (ср. стихотворение «Торс», 1972). Метафорическая функция — обозначение водной глади и человека, листа бумаги^[73]. **Поэтические формулы:** *амальгама зеркала, человек, как зеркало.* «Старых лампочек тусклый накал / в этих грустных краях, чей эпитафия — победа зеркал, / при содействии луж порождает эффект изобилья. / Даже воры крадут апельсин, амальгаму скребя» («Конец прекрасной эпохи» [II; 161]); «...в темноте всем телом твои черты, / как безумное зеркало повторяя...» («Ниоткуда с любовью, надцатого марта...» [II; 397]); «...прижаться к живой кости, / как к горячему зеркалу, с чьей амальгамы пальцем / нежность не соскрести...» («Венецианские строфы (1)» [III; 53]).

ИГЛА (мифопоэтическая и метафорическая игла бытия, игла шприца и Адмиралтейская игла, швейная игла и иголка граммофона — функционально сходны, по крайней мере швейная и граммофонная иглы). Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет; особенно част в стихотворениях 1960-х гг. Коннотации: *жизнь, время, смерть, нить Парки, начало, элемент, связующий разрозненные явления мироздания, душа, сшивающая разлуку.* «Дыра в сей ткани. Всяк, кто хочет, рвет. / Со всех концов. Уйдет. Вернется снова. / Еще рывок. И только небосвод / во мраке иногда берет иглу портного» («Большая элегия Джону Донну», 1963 [I; 251]; «<...> так иголка шаркает по пластинке, / забывая остановиться в центре» («Римские элегии», 1981 [III; 46] — «Я» — игла); «И площадь, как

грампластинка, дает круги / от иглыobelиска» («Вид с холма», 1992 [111; 209])^[74]. Общее семантическое поле с образом ДОЖДЬ: «Не иголка, не нитка, но нечто бесспорно швейное / <...> / слышится в этом стрекоте; и герань обнажает шейные / позвонки белошвейки» («Дождь в августе», 1988 [III; 162]) — и с образом СНЕГ.

ЛАМПА. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *«малое солнце», творчество*. Метафорическая функция — обозначение лирического героя и его возлюбленной.

МОРЕ. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *колыбель жизни, жизнь, будущее состояние земной жизни, время, простор, путешествие*^[75]. Общее семантическое поле с образом ВОДА. **Поэтическая формула:** *море — белье с кружевами*, вариации — *простыня, бахрома*: «Вздымающееся полотно» («Загадка ангелу», 1962 [I; 207]); «бахрома» («Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе», 1969 (?), 1970 (?) [IV (1); 8]); «Выстиранная, выглаженная простыня / залива шумит оборками <...>» («Сан-Пьетро», 1977 [II; 430]); «и простор голубеет, как белье с кружевами» («К Урании», 1982 [III; 64]); «кружевная комбинация бледной балтийской глади» («Стрельна», 1987 [IV (2), 32]); «мокрые простыни пристани в Фегердале» («Пристань Фегердала», 1993 [III; 258]); «Сушатся сети — родственницы простыней» («Остров Прочила», 1994 [4 (2); 167]); «рыхлая бахрома» («Тритон», 1994 [IV (2); 189]); «кружево волн» («На виа Фунари», 1995 [IV (2); 198])^[76].

ОБЛАКА (ОБЛАКО). Инвариантный образ поэзии Бродского 1980–1990-х гг. Коннотации: *свобода странствий, безразличие к человеку, принадлежность к иному измерению бытия*. **Поэтическая формула:** *облака — ткань/белье* (соотнесена по принципу изоморфизма с **поэтической формулой** *море — белье с кружевами*: «обратимость» неба и моря у Бродского): «И по небу разбросаны, как вещи холостяка, / тучи, вывернутые наизнанку / и разглаженные» («Примечание к прогнозам погоды», 1986 [III; 180]); «Только Господь / вас видит с изнанки — словно из нанки / рыхлую плоть»; «Пенный каскад / ангелов, бальных / платьев, крахмальных / крах баррикад» (оба примера — из стихотворения «Облака», 1989 [III; 186–187]); «марля небесных клиник»^[77] («Ария», 1987 [III; 134])^[78]. Образ, построенный на **самоотрицании**: «Кучевой <...> мускул» («В

окрестностях Александрии», 1982 [III; 58]), — облако, ассоциирующееся с легкостью, рыхлостью, эфемерностью («легче тела» — «Облака» [III; 188]), метафорически названо «мускул».

ПЕРО. Инвариантный образ поэзии Бродского 1970–1980-х гг. Коннотации: *творчество, движение времени, признак существования «Я», отчуждение «Я» от своего текста.* **Поэтическая формула:** *скрип пера* — «в негромком скрипе вечного пера» («Друг, тяготея к скрытым формам лести...», 1970 [II; 227]); «миру здесь о себе потешают <...> скрипом пера» («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [II; 324]); «Человек превращается в шорох пера по бумаге <...>» («Декабрь во Флоренции», 1976 [II; 384]); «Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох. <...> Скрипи, скрипи, перо! переводи бумагу» («Пятая годовщина (4 июня 1977)», 1977 [II; 422]); вариация с семантикой отчуждения «Я» от текста — «Право, чем гуще россыпь / черного на листе, / тем безразличней особь / к прошлому, к пустоте / в будущем. Их соседство, / мало суля добра, / лишь ускоряет бегство / по бумаге пера» («Строфы», 1978 [II; 458]); «и перо скрипит, как чужие сани» («Эклога 4-я (зимняя)», 1980 [III; 13]); «Скрипи, перо. Черней, бумага. / Лети, минута» («Пьяцца Маттеи», 1981 [III; 28]); «Перо скрипит в тишине», «<...> скрип пера / в тишине по бумаге — бесстрашье в миниатюре» («Примечания папоротника», 1989 [III; 171]); «Различишь в тишине, как перо шуршит, // помогая зеленой траве произнести „всё кончено“» («Надпись на книге», 1991 [III; 239]) [79].

СНЕГ. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *бумага, творчество, Время/Вечность, покой, постель, уют, Рождество, пустыня; больничные простыни (полотенце), мрамор (статуя), одиночество, разрыв, свет, смерть.* **Поэтическая формула:** *снег — мрамор для бедных:* «<...> под натиском зимы / бежав на Юг, я пальцами черчу / твое лицо на мраморе для бедных» («Второе Рождество на берегу...», 1971 [II; 264]); «То-то же снег, этот мрамор для бедных, за наименьшем тела / тает, ссылаясь на неспособность клеток — / то есть извилин! — вспомнить, как ты хотела, / пудря щеку, выглядеть напоследок» («Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга...», 1987 [III; 142]). Вариация этой формулы: «Миллиарды снежных мух / не спасут от нищеты» («В горах», 1984 [III; 88]).

СТАТУЯ (БЮСТ, МОНУМЕНТ, СКУЛЬПТУРА)^[80]. Инвариантный образ поэзии Бродского от 1960-х гг. до последних лет. Коннотации: *несвобода, тоталитарный мир (Империя), вечность, умирание/смерть, ложь*. Доминирующее оценочное наполнение — пейоративное. Одновременно, в соответствии с поэтикой самоотрицания и семантической амбивалентности, СТАТУЯ может приобретать позитивный смысл (*вечность искусства, красота, женская красота, божественность*): «Пьяцца Маттеи», «Римские элегии», «Вертумн». **Поэтические формулы:** *памятник поэту, памятник тирану* (примеры — в экскурсе 1 «„Я был в Риме“: „Римский текст“ Бродского» и в главе «„Видимо, никому из нас не сделаться памятником“: реминисценции из пушкинских стихотворений о поэте и поэзии у Бродского»). Общее семантическое поле с образом МРАМОР^[81].

ЧАСЫ (ХОДИКИ, СТРЕЛКИ, ЦИФЕРБЛАТ). Инвариантный образ поэзии Бродского 1960–1980-х гг. Коннотации: *время, уничтожение, бомба, смерть*. Метафорическая функция — обозначение человека, «Я» (см.: *Символы лирического героя (человека)*; образы «Я» в тексте Я — МАЯТНИК / ЧАСЫ (вариант: ЧЕЛОВЕК — МАЯТНИК / ЧАСЫ, ВЗГЛЯД — ЦИФЕРБЛАТ)).

Одни и те же повторяющиеся образы в разных контекстах у Бродского обладают многозначной семантикой — различной и часто даже противоположной. Такой «динамизм» поэтического словаря парадоксально сочетается с клишированными поэтическими формулами — семантически одномерными. Сочетание многомерных поэтических образов и одноплановых поэтических формул придает поэзии Бродского одновременно признаки новизны и традиционности.